

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ*

И.В. ОРЛОВА, соискатель Минского института управления

В статье рассматривается ряд проблемных вопросов, связанных с предметом доказывания, сквозь призму действующего гражданского процессуального законодательства и научных достижений в этой области. В теории гражданского процессуального права эти вопросы продолжают оставаться дискуссионными, что, в свою очередь, оказывает влияние на развитие законодательства, а также практику судебного доказывания по гражданским делам. Предлагаются научно обоснованные рекомендации, направленные на совершенствование действующего гражданского процессуального законодательства в доказательственной сфере.

Закрепление в статье 177 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь 1998 года (далее – ГПК) определения предмета доказывания как фактов, имеющих значение для правильного разрешения дела, по сравнению с Гражданским процессуальным кодексом БССР, который не содержал аналогичной процессуальной нормы, показывает, что современный уровень законодательства отвечает гораздо более высоким требованиям в части структурности, системности и формы. Однако предложенная законодателем дефиниция предмета доказывания в гражданском судопроизводстве требует, на наш взгляд, некоторого уточнения. Прежде всего, следует отметить, что от того, насколько четко определен предмет доказывания по гражданскому делу, во многом зависит законность и обоснованность принимаемого решения. При этом основная «нагрузка» по определению фактов, подлежащих доказыванию, ложится на суд. Так, *Президиумом Минского областного суда был удовлетворен протест заместителя председателя Верховного Суда Республики Беларусь на решение суда Солигорского района и г. Солигорска от 9 декабря 2003 года, на дополнительное решение этого же суда от 17 декабря 2003 года и определение судебной коллегии по гражданским делам Минского областного суда от 15 февраля 2004 года по делу по иску районного унитарного предприятия «С» к гражданину К. о признании утратившим право пользования жилым помещением. В постановлении Президиум Минского*

областного суда указал, что суд первой инстанции неправильно определил предмет доказывания, так как факт отсутствия гражданина К. в спорном жилом помещении не входит в предмет доказывания по делу и самостоятельного значения для расторжения договора найма жилого помещения либо лишения права пользования им не имеет [1]. В данном случае ошибочное определение предмета доказывания и круга необходимых доказательств, выражающееся в необоснованном расширении предмета доказывания, повлекло неправильное применение норм материального права, которое явилось основанием для отмены ранее принятых судебных постановлений с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Приведенный пример из судебной практики позволяет нам сделать вывод, что ошибка, допущенная судом, при формировании круга фактов предмета доказывания является, во-первых, одним из проявлений необоснованности решения суда (п. 1 ч. 1 ст. 402 ГПК), во-вторых, выступает в роли одной из предпосылок нарушения норм материального права, предусмотренных статьей 403 ГПК. В этой связи считаем целесообразным включить в дефиницию предмета доказывания указание на субъекта, определяющего круг фактов, подлежащих доказыванию.

Анализ статьи 177 и пункта 1 статьи 300 ГПК позволяет установить их несогласованность. Так, ст. 177 ГПК определяет предмет доказывания как все факты, имеющие значение для правиль-

* Статья поступила в редакцию 8 мая 2009 года.

ного разрешения дела. Вместе с тем, в пункте 1 статьи 300 ГПК указывается, что при вынесении решения суд должен рассмотреть вопрос: какие факты входят в предмет доказывания каждой из сторон, третьего лица, заявляющего самостоятельные требования. Следовательно, исходя из смысла пункта 1 статьи 300 ГПК, логично предположить, что предмет доказывания ограничивается лишь фактами, подтверждающими требования и возражения сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования; иные факты, имеющие значение для дела, судом не проверяются и не устанавливаются. Это далеко не так. Формулировка пункта 1 статьи 300 ГПК позволяет сделать вывод, что предмет доказывания для каждого из перечисленных в ней субъектов свой, что полностью противоречит единому пониманию данной процессуальной категории, которое следует из нормы статьи 177 ГПК. С нашей точки зрения, определение круга фактов предмета доказывания – это вопрос, который должен решаться, и решается судом не на заключительном этапе судебного разбирательства, а в ходе подготовки дела к судебному разбирательству. Таким образом, с нашей точки зрения, пункт 1 статьи 300 ГПК выбивается из системы научной и правовой регламентации предмета доказывания. Поэтому считаем целесообразным, исключить пункт 1 статьи 300 ГПК как необоснованный с научной и практической точек зрения.

Исследуя категорию «предмет доказывания», нельзя не остановиться на анализе фактов, не подлежащих доказыванию, к числу которых относятся общеизвестные и преюдициально установленные факты (ст. 182 ГПК). Как верно отметил Л.Е. Владимиров, «когда речь идет о *notorium*’е, прежде всего нужно помнить, что в этом случае не имеется в виду то личное знание об обстоятельствах дела или о делах подобного рода, которое случайно может быть у судьи» [2, с.177]. То есть, знание о таких обстоятельствах должно быть объективно доступным для широкого круга лиц. В этом как раз и кроется, на наш взгляд, сложность определения критериев общеизвестности. Например, разный стиль и уровень жизни людей формирует индивидуальный уровень осведомленности об отдельных обстоятельствах. Может ли отсутствие знаний у конкретного субъекта правоотношений о том или ином факте, имеющем значение для дела, быть поглощено известностью данного факта широкому кругу лиц? Представляется правильным подход, в соответствии с которым общеизвестные обстоятельства подвергаются судебной оценке так же, как и обстоятельства, которые не были суду известны до их установления в процессе судебного доказывания [3, с.212]. Таким образом, можем констатировать присутствие элементов доказательственной деятельности в процессе

установления общеизвестных фактов. Более того, на наш взгляд, следует согласиться с тем, что наличие общеизвестных фактов (независимо от их масштаба) не исключает по их поводу спор. Поэтому критерий известности факта широкому неопределенному кругу лиц позволяет одной из сторон возражать против признания обстоятельств общеизвестными [4, с.75–76]. Несогласие с общеизвестностью факта проявляется в данном случае в форме объяснения стороны, которое суд не вправе не подвергнуть исследованию и оценке. Невозможность четкого и однозначного определения общеизвестности факта, как того требует наука гражданского процессуального права, с нашей точки зрения, обуславливает целесообразность их установления посредством привлечения доказательств (в данном случае достаточно объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц).

К числу обстоятельств, которые не нуждаются в доказывании (кроме общеизвестных обстоятельств), наука гражданского процессуального права и ГПК относят преюдициальные обстоятельства. На наш взгляд, преюдициальность судебного акта следует рассматривать не только как одно из правовых последствий вступления судебного акта в законную силу [5, с.159], но и как категорию института судебного доказывания, которая должна гармонично сочетаться с предметом доказывания. В этой связи считаем необходимым установить динамику взаимодействия юридических фактов и правоотношений в процессе судебного доказывания. «Юридический факт – это такое явление объективной действительности, которое обладает способностью к юридической оценке, служащей основой для вывода о возможности применения нормы (норм)» [6, с.447]. Являясь правовым регулятором общественных отношений, юридические факты обеспечивают переход общей модели прав и обязанностей к конкретной, поскольку именно с ними норма права связывает возникновение, изменение, прекращение правоотношений. Рассмотрим конкретный пример. Факт заключения трудового договора порождает трудовые правоотношения между работником и нанимателем. В свою очередь, наличие трудовых правоотношений между работником и нанимателем является одним из фактов юридического состава, который порождает правоотношение, связанное с увольнением работника. Таким образом, с точки зрения процесса судебного доказывания структуру взаимодействия юридических фактов и правоотношения можно представить в виде следующей модели: юридический факт – правоотношение – юридический факт. Следовательно, так как любое правоотношение в процессе своего развития может быть преобразовано в один из фактов юридического состава, который в гражданском процессе

выступает как факт предмета доказывания, считаем возможным говорить о преюдициальности только по отношению к юридическим фактам. Преюдиция правоотношений, по нашему мнению, есть проявление основного свойства законной силы судебного решения – обязательности судебного решения, которое как одно из проявлений свойства законной силы решения суда предполагает обязательность выводов, содержащихся в решении, относительно широкого круга лиц, в том числе лиц, не привлеченных к участию в деле. Удовлетворение иска о признании права собственности позволяет собственнику получить защиту от посягательств на его собственность не только лицами, которые принимали участие в деле в качестве юридически заинтересованных в исходе дела лиц, но и от посягательств лиц, не привлеченных к участию в деле. Однако, вступившее в законную силу судебное решение обязательно для лиц, не принимавших участие в деле, лишь в границах спорного правоотношения, что позволяет заинтересованным лицам обратиться в суд за защитой прав и законных интересов, спор о которых этим решением разрешен не был. С точки зрения доказательственного аспекта, преюдициальной связи судебных актов в данном случае не возникает. Более того, преюдиция как категория доказательственного права, в отличие от обязательности судебного решения, не применима по отношению к лицам, не привлеченным к участию в деле. Следовательно, для процесса судебного доказывания значение имеет лишь преюдиция юридического факта.

Таким образом, по нашему мнению, что свойство преюдициальности судебного акта, обусловленное законной силой судебного акта, выражается лишь в преюдициальности фактов. Что касается правоотношений, установленных вступившим в законную силу судебным актом, то их целесообразно рассматривать в границах обязательности судебного акта как основного проявления свойства законной силы судебного акта. С точки зрения процесса судебного доказывания преюдициальность факта – это доказательственный факт процессуально-правового характера, входящий в предмет судебного доказывания, который подтверждается соответствующим судебным актом (его копией). На основании вышеизложенного предлагаем исключить из пункта 22 части 1 статьи 1 ГПК слова «и правоотношений». Ограничение пределов предпрешенности судебных актов для суда лишь кругом фактов позволит согласовать в данной части нормы пункта 22 части 1 статьи 1 ГПК, статей 179 ГПК и 182 ГПК.

Как нам представляется, требует уточнения законодательное оформление объективных и субъективных пределов преюдиции судебных

постановлений. Так, пункт 22 части 1 статьи 1 ГПК определяет преюдицию как «предрешение вопроса об истинности фактов и правоотношений, установленных вступившим в законную силу судебным постановлением при рассмотрении другого дела между теми же лицами». В соответствии с пунктом 11 части 1 статьи 1 ГПК судебное постановление – это решение, определение, постановление судов всех инстанций. В то же время части 2 и 3 статьи 182 ГПК в качестве судебных актов, предрешающих вопрос об истинности фактов, устанавливающих решения суда. Думается, такая несогласованность отдельных статей ГПК требует соответствующей корректировки. По нашему мнению, преюдициальными могут быть не только факты материально-правового характера, но и факты процессуально-правового характера, если они имеют значение для рассмотрения другого гражданского дела (например, процессуальный факт отсутствия у судьи личной заинтересованности в исходе дела, установленный определением об отказе в удовлетворении заявления об отводе). Таким образом, считаем, что в ГПК нецелесообразно перечислять жесткий перечень судебных постановлений преюдициального характера, как предлагается отдельными учеными-процессуалистами [7, с.99]. Наш взгляд, наука гражданского процессуального права способна предложить аргументированные критерии, которые бы позволили рассматривать факт, входящий в предмет доказывания, как преюдициально установленный. В качестве таких критериев предлагается определить следующие: 1) доказанность наличия или отсутствия фактов, входящих в предмет судебного доказывания, в первоначальном процессе; 2) наличие значения данных фактов для рассматриваемого гражданского дела; 3) определенный способ их процессуальной фиксации.

Относительно фактов, установленных вступившим в законную силу приговором суда, процессуальный закон предусматривает ограничения объективных пределов преюдиции (ч. 4 ст. 182 ГПК). Рассматривая преюдициальное значение приговора по уголовному делу, вступившего в законную силу, следует помнить, что он имеет обязательное значение для суда только в том случае, если разрешается дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор. В настоящее время в науке гражданского процессуального права предлагается устранить такие жесткие пределы преюдиции, распространив преюдициальность за рамки гражданско-правовых последствий действия лица, в отношении которого состоялся приговор [7, с.101]. По нашему мнению, объективные пределы преюдициальности фактов, установленных в уголовном процессе могут быть расширены, но только за счет круга судебных постановлений по уго-

ловному делу, устанавливающих факты преюдициального характера. Так, в соответствии со статьей 303 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), производство по уголовному делу в судебном заседании подлежит прекращению по ряду оснований, перечисленных в статьях 29 и 30 УПК. В этой связи, на наш взгляд, возникает вопрос: имеют ли преюдициальное значение обстоятельства, указанные в части 4 статьи 182 ГПК, установленные вступившим в законную силу постановлением (определением) суда о прекращении производства по уголовному делу?

Предлагаем собственное видение данной проблемы. Анализ обстоятельств, перечисленных в статьях 29 и 30 УПК, являющихся основаниями для прекращения производства по уголовному делу, позволяет нам сделать вывод о том, что прекращение производства по уголовному делу в судебном заседании не исключает установление факта совершения преступного деяния лицом, выступающим в роли обвиняемого по уголовному делу (гражданского ответчика при предъявлении гражданского иска в уголовном процессе). Например, в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 29 УПК, вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное общественно опасное деяние, суд прекращает производство по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда есть основания для вынесения оправдательного приговора (п. 1, 2 ч. 1 ст. 29 УПК). Прекращение производства по уголовному делу в судебном заседании влечет за собой прекращение производства и по гражданскому иску, однако не лишает гражданского истца права на предъявление того же иска в порядке гражданского судопроизводства. При этом указанные обстоятельства в случае предъявления иска в порядке гражданского судопроизводства становятся фактами, обосновывающими заявленное требование истца. Так как факт совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, лицом, которому вменялось обвинение по уголовному делу, установлен вступившим в законную силу постановлением (определением) суда о прекращении производства по делу, то данный факт в силу наличия значимости для гражданского дела, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать как преюдициальный, при условии его подтвержденной копией судебного постановления (определения) о прекращении производства по уголовному делу.

Таким образом, объективные пределы преюдиции, закрепленные в части 4 статьи 182 ГПК, на наш взгляд, подлежат расширению посредством признания преюдициального значения за

фактами, установленными не только приговором, но и постановлением (определением) суда о прекращении производства по уголовному делу.

Неотъемлемым элементом, раскрывающим сущность преюдиции, является круг субъектов, на которых она распространяется. Анализ частей 2, 3, 4 статьи 182 ГПК показывает наличие отдельных технико-юридических дефектов по вопросу определения субъективных пределов преюдиции. На наш взгляд, части 2 и 3 статьи 218 ГПК не отличаются единообразием при формулировании круга субъектов, на которых распространяется преюдиция. Так, в части 2 статьи 182 ГПК речь идет о лицах, которые участвовали в другом гражданском деле, или их правопреемниках. Часть 3 статьи 182 ГПК не упоминает о возможности распространения субъективных пределов преюдиции на правопреемников лиц, участвовавших в деле, рассмотренном хозяйственным судом.

Полагаем, что в данном случае следует руководствоваться положением о том, что преюдиция распространяется не только на лиц, участвовавших в рассмотренном хозяйственным судом деле (ч. 3 ст. 182 ГПК), но и на их правопреемников, что полностью соответствует сущности категорий «преюдиция» и «процессуальное правопреемство». Нам представляется не вполне корректной формулировка части 2 статьи 182 ГПК, согласно которой «факты, установленные вступившим в законную силу решением суда по одному гражданскому делу, обязательны для суда и не доказываются вновь при разбирательстве других гражданских дел, в которых участвуют те же лица или их правопреемники». В ГПК вместо термина «лица, участвующие в деле» (характерного для ГПК БССР) закреплен термин «юридически заинтересованные в исходе дела лица». Термин «лицо», исходя из анализа части 1 статьи 54 ГПК, применим не только в отношении юридически заинтересованных в исходе дела лиц, но и в отношении лиц, не имеющих такой заинтересованности. Таким образом, прямое толкование части 2 статьи 182 ГПК позволяет распространять субъективные пределы преюдиции, в том числе, и на юридически незаинтересованных в исходе дела лиц. Здесь речь должна идти лишь о юридически заинтересованных в исходе дела лицах и их правопреемниках, что требует соответствующего уточнения анализируемой нормы. При формулировании субъективных пределов преюдиции, закрепленных в частях 2 и 3 статьи 182 ГПК, целесообразно использовать единую правовую конструкцию: «юридически заинтересованные в исходе дела лица и их правопреемники», которая применима не только по делам искового производства.

Что касается субъективных пределов преюдиции приговора, то, в соответствии с частью 4

статьи 182 ГПК, они вообще прямо не определены. Из формулировки данной нормы не совсем понятно: субъективные пределы преюдиции приговора ограничиваются лишь лицом, совершившим преступное деяние, или распространяются и на потерпевшего? Кроме того, не следует забывать о возможности предъявления гражданского иска в уголовном процессе. Указанные обстоятельства позволяют нам предположить целесообразность определения круга субъектов, в отношении которых применима преюдиция приговора и постановления (определения) о прекращении производства по уголовному делу. К их числу, на наш взгляд, следует отнести тех субъектов процесса, которые принимали в нем участие не только в качестве подсудимых, но и в качестве потерпевших, а также гражданских истцов или ответчиков – в случае предъявления иска в рамках уголовного процесса. В этой связи считаем необходимым внести соответствующие изменения и дополнения в части 4 статьи 182 ГПК.

С целью установления истины по делу суду и юридически заинтересованным в исходе дела лицам необходимо в ходе судебного разбирательства проверить (исследовать) каждое представленное (полученное) доказательство в подтверждение фактов предмета доказывания. Именно на данном этапе процесса доказывания проявляется гносеологический аспект содержательного элемента предмета доказывания. Являясь доступными для органов чувств, доказательства позволяют сформировать в сознании субъекта доказывания фрагментарные знания о фактах, имеющих значение для дела. Следует отметить, что в действующем гражданском процессуальном законодательстве не усматривается четкой позиции законодателя по вопросу соотношения процессуальных категорий «проверка» и «исследование» доказательств. Так, в соответствии с частью 1 статьи 240 ГПК, «в основу решения по делу могут быть положены лишь доказательства, подвергнутые всесторонней и объективной проверке». То есть термин «проверка» в данном контексте применим к доказательствам, в то время как термин «исследование» законодатель применяет в отношении фактов, входящих в предмет доказывания (ч. 1 ст. 241 ГПК). С другой стороны, в ряде статей ГПК (ст. 205, 227, 266, 289 и др.) употребляется термин «исследование» применительно к доказательствам, а не к фактам, входящим в предмет доказывания.

Отметим, что и в процессуальной литературе нет единства в определении процессуального статуса понятий «исследование» и «проверка» [8, с.102–103]. В этой связи, как нам

представляется, прежде всего необходимо обратиться к философскому толкованию терминов «исследование» и «проверка». Исследовать значит «внимательно, тщательно осматривать кого-либо или что-либо, знакомиться с чем-либо для выяснения, изучения чего-либо» [9, с.892], в то же время проверять – это значит, «сравнивая, сличая, устанавливая точность или неточность чего-либо» [10, с.1054].

Таким образом, с учетом философского аспекта определения понятий «исследование» и «проверка», приходим к выводу, что, в соответствии с требованиями, предусмотренными ГПК, а также иными законодательными актами, суд исследует доказательства с целью выявления свойств относимости и допустимости доказательств. Что же касается «проверки», то данный термин, на наш взгляд, целесообразно применять лишь относительно фактов предмета доказывания. При этом данный процесс проходит два уровня. На первом уровне проверки происходит сопоставление доказательств друг с другом с целью формирования достоверной системы доказательств как содержательного аспекта предмета доказывания. Второй уровень заключается в сопоставлении достоверной системы доказательств с предметом доказывания с целью выявления закономерных связей между сформированной системой доказательств и каждым фактом предмета доказывания (свойство достаточности системы доказательств). Проверка предмета доказывания представляет собой промежуточный этап установления всех фактов, имеющих значение для дела, то есть переход от единичных доказательств к их совокупности (формирование содержательного аспекта предмета доказывания), которая по результатам оценки может быть использована судом для установления фактов предмета доказывания. В этой связи полагаем научно обоснованным употребление термина «проверка» применительно не к доказательствам, а к фактам, подлежащим доказыванию. Следовательно, невозможность отождествления процессуальных понятий «проверка» и «исследование» видим, не исходя из каких-либо особых способов установления знания в ходе их осуществления, а ввиду различия преследуемой ими цели.

Завершая обзор отдельных положений ГПК с точки зрения их научной и практической обоснованности, следует подчеркнуть, что четкость и определенность норм гражданского процессуального права в доказательственной сфере является необходимым условием повышения качества и эффективности правосудия по гражданским делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2003 г. – Наряд №03 – 9 – 2004 : Протесты Верховного Суда Республики Беларусь в Президиумы областных и городских судов и постановления Президиумов областных судов и городского суда по Минской области. – Гражданское дело №44 – г – 57 – 2004.
2. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 462 с.
3. Юдельсон, К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон. – М. : Госюриздат, 1951. – 296 с.
4. Баулин, О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел / О.В. Баулин. – М. : Городец, 2004. – 266 с.
5. Авдюков, М.Г. Судебное решение / М.Г. Авдюков. – М. : Госюриздат, 1959. – 192 с.
6. Чеговадзе, Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения / Л.А. Чеговадзе. – М. : Статут, 2004. – 539 с.
7. Таранова, Т.С. Проблемы унификации доказывания в гражданском и хозяйственном судопроизводстве / Т.С. Таранова. – Минск : Интегралполиграф, 2008. – 223 с.
8. Иванов, О.В. Судебные доказательства в гражданском процессе : курс лекций / О.В. Иванов. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1973. – Вып. 1. – 160 с.
9. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь : в 3 т. : ок. 160000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 1 : А – Л. – 1165 с.
10. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь : в 3 т. : ок. 160000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 2 : М – П. – 1160 с.